

Н. А. ЕРОФЕЕВ

«РЕБЕККА И ЕЕ ДЕТИ»

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ЮЖНОМ УЭЛЬСЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Англия середины XIX в. в наших представлениях обычно ассоциируется с фабричной системой и другими атрибутами развитого капитализма, а рабочее движение здесь — с высоким уровнем организации и политической сознательности. Между тем в эти годы — и даже значительно позднее — в Англии во всех сферах сохранялись довольно значительные остатки докапиталистических отношений. Отдельные отрасли производства были в различной степени затронуты капиталистической организацией. Наряду с фабрикой во всех отраслях существовало ремесло. Рабочий класс к этому времени еще не сложился окончательно, его состав был сложным и пестрым. Многие рабочие совсем недавно были крестьянами и ремесленниками. Естественно, в психологии и организации рабочего класса сохранялись многие архаичные формы. Лозунг Народной хартии потому и объединил под единым знаменем разнообразные слои и группы трудящихся, что все они вкладывали в ее шесть пунктов самый различный смысл и содержание. Архаичные формы народных движений заслуживают самого тщательного изучения, ибо только таким путем можно правильно понять тогдашнее рабочее движение во всей его сложности.

С этой точки зрения особый интерес представляет массовое движение в Южном Уэльсе, развернувшееся в 40-х годах XIX в. По имени своего таинственного вождя оно получило наименование «движение Ребекки».

В середине XIX в. Уэльс, завоеванный англичанами в XIII—XIV вв., сохранял в своей экономике и культуре значительные особенности и много элементов докапиталистических классовых отношений. Гористый характер страны, изрезанной узкими, трудно доступными долинами, и кельтский язык населения способствовали изоляции Уэльса от Англии. Вместе с тем наряду с сохранением в ее экономическом и социальном быте многих остатков прошлого в ряде приморских районов уже на протяжении XVIII в. делала стремительные успехи современная промышленность, главным образом тяжелая — добыча угля, железодобывающая и медеплавильная. К середине XIX в. некоторые предприятия производили продукцию в широких масштабах и занимали тысячи рабочих. Сочетание самых отсталых форм сельского быта с передовой промышленностью налагало печать своеобразия на социальную картину страны. Этой печатью своеобразия отмечено и «движение Ребекки». Направленное главным образом против дорожных застав, созданных для взимания платы за проезд, в действительности оно имело широкую социальную и политическую базу. Архаичные формы организации и идеологии этого движения отражали его сложный классовый состав и своеобразие социального развития Южного Уэльса. Острые классовые противоречия, с самого начала сказавшиеся на ходе движения, в конце концов привели к его расколу и краху. Изучение причин развития и исхода этого движения, охватившего самые широкие массы населения Южного Уэльса, знакомят нас с отмирающими формами народных движений и как бы переносят в докапиталистическую эпоху. Этот эпизод из истории английских народных движений, в котором мы находим яркий пример «существования» как бы совершенно различных эпох в истории классовой борьбы,

особенно важен для понимания идеологии народных движений этой переходной поры, когда капитализм только утверждал свое господство.

Несмотря на то что «движение Ребекки» представляет большой научный и теоретический интерес, оно изучено до сих пор крайне слабо. Строго конспиративный характер движения затруднил сохранение документов, а его участники не оставили воспоминаний. Официальные документы чрезвычайно бедны. Барьером для исследователей является и кельтский язык. Историки английских народных движений этого периода, в том числе чартизма, ограничились лишь кратким упоминанием о происшедшем¹. Автор единственного специального исследования, валлийский историк Вильямс, собрал значительный материал, однако не сумел его обобщить и не дал удовлетворительного анализа социального характера движения².

Между тем в распоряжении историка имеется важный дополнительный источник, который до сих пор еще недостаточно оценен и использован, а именно статьи специального корреспондента газеты «The Times» Томаса Кемпбелла Фостера³. Направленный сюда редакцией в самый разгар волнений в июне 1843 г., Фостер провел в Южном Уэльсе около шести месяцев. За это время он многократно исколесил весь район, затронутый движением, вступая в контакт с представителями самых различных слоев и общественных групп. Энергичный человек, он сумел даже проникнуть на тайные собрания участников «движения Ребекки». Его пространные корреспонденции на протяжении нескольких месяцев регулярно помещались на страницах газеты. Консервативные политические взгляды Фостера не помешали ему проникнуться известным сочувствием к нуждам трудового люда Южного Уэльса. Он резко осудил эгоизм и близорукость лендлордов, чем снискал их лютую ненависть. Позиция Фостера, который именовал себя позднее «либеральным консерваторм», вполне устраивала редакцию газеты. Этот орган английской олигархии в те годы нередко выступал с демагогическими лозунгами: примером были выступления газеты против знаменитого закона о бедных 1834 г.⁴

Корреспонденции Фостера содержат ценнейшие материалы о ходе «движения Ребекки», его причинах, составе и движущих силах.

* * *

Первые нападения на дорожные заставы в Южном Уэльсе произошли весной и летом 1839 г. Ночью с 13 на 14 мая нападению подверглась дорожная застава Евайлуэн, к северу от г. Нарберт в самой восточной части графства Пемброкшир. Огромная толпа, подойдя к заставе, уничтожила ее до основания и подожгла дом сторожа. Через несколько дней по решению дорожного треста, которому принадлежала уничтоженная застава, здесь были поставлены новые ворота, и застава была восстановлена. Для ее охраны были направлены семь местных констеблей. Однако спустя некоторое время толпа неожиданно появилась у заставы. «Стражи порядка» в страхе бежали прочь, и новые ворота опять были снесены до основания. Такая же судьба постигла и другую заставу, расположенную неподалеку. В последующие месяцы нападения развернулись по всей территории графств Пемброкшир и Кармартеншир⁵.

Один из очевидцев описывал позднее, как происходили эти нападения. «Примерно за четверть часа до полуночи я стоял у дверей сторожки, покуривая трубку, как вдруг услышал голоса. Затем неподалеку на холме появился народ — человек 200 или 300. Они были переодеты, большинство носило женские колпаки, лица перепачканы сажей.

¹ Г. Ш л ю т е р. Чартистское движение. Очерк социально-экономической истории Англии. М., [б.г.]; M. H o v e l l. Chartist Movement. Manchester, 1916; J. W e s t. History of the Chartist Movement. London, 1919; F. C. M a t h e r. Public Order in the Age of Chartist. Manchester, 1959.

² D. W i l l i a m s. Rebecca Riots. A Study in Agrarian Discontent. Cardiff, 1955; другая работа (H. T. E v a n s. Rebecca and Her Daughters. London, [s. d.]), вышедшая еще в конце XIX в. и представляющая собой библиографическую редкость, осталась мне недоступной.

³ «Dictionary of National Biographies», vol. VII, London, [s. d.], p. 503.

⁴ «History of «The Times», vol. I. The Thunderer 1785—1841. London, 1935, p. 293—295.

⁵ D. W i l l i a m s. Op. cit., p. 187—189.

Во главе их находилась «Ребекка». Некоторые были верхом, но все они спешили и, оставив коней наверху, спустились с холма. Тут я увидел, что у одних были ружья и пистолеты, у других — топоры, молоты и другие орудия. Испугавшись, мы с женой убежали поодаль под ясень, откуда, однако, видели все, что происходит. Подойдя к заставе, «Ребекка» громко провозгласила: «Застава!» Затем она подала команду: «Начинайте!» Немедленно началось разрушение. В ней принимала участие вся толпа: она сломала ворота, сплила столбы — они сделаны были из прочного дуба и имели четыре фута по окружности. Люди вошли в дом, выбросили на дорогу всю мебель, постели и прочее, а затем начали ломать стены. Превратив все в развалины, они ушли. Пока это продолжалось — около часа, — они все время палили из ружей. Затем по команде люди снова поднялись на холм и быстро исчезли»⁶.

Уже в первые дни волнений появилось и загадочное имя «Ребекка». Этим именем участники движения называли руководителя, которому беспрекословно подчинялись. «Ребекка», обращаясь к подчиненным, именovala их своими детьми. Именем «Ребекка» — или сокращенно «Бекка» — подписывались письменные прокламации, появившиеся в это время: в них содержались предупреждения и угрозы по адресу властей, лендлордов, дорожных трестов и всех тех, в ком они подозревали своих врагов.

Все участники нападений, в том числе и сама «Ребекка», были мужчинами. Однако они носили женское платье, лица мазали сажей и закрывали головы колпаками.

Современники долго размышляли над разгадкой этой маскировки. Некоторые утверждали, что крупный мужчина, возглавлявший движение, принял это имя после того, как некая рослая Ребекка (это имя было широко распространено в Южном Уэльсе) снабдила его своим платьем для маскировки. Однако позднее было установлено, что это не так и название имеет иное происхождение. Участники движения свою борьбу против дорожных застав связывали с текстом библейской книги Бытия, где говорилось о жене Исаака, которую звали Ребеккой: «И благословили Ребекку и сказали ей: сестра наша! да родятся от тебя тысячи тысяч и да владеет потомство твое жилищами врагов твоих!» Поскольку в английском языке слово gate, которым в библии обозначено жилище, одновременно означает и заставу, слова библии стали лозунгом всего движения.

Женская одежда и прочие приемы играли, конечно, роль в маскировке; они должны были затруднить опознание участников. Но дело было не только в маскировке. Библейский лозунг движения и женские одеяния представляли собой не простую форму и не забавный маскарад: и то и другое отражало своеобразную идеологию всего движения.

Это время в Англии было беспокойным. Развитие капитализма поставило страну перед острыми социально-политическими проблемами. Рабочие протестовали против невыносимых условий жизни и труда, против невиданной эксплуатации, нищеты и безработицы. Они требовали политических прав, свободы организации.

Движение таинственной и неуловимой «Ребекки» вызвало в некоторых кругах собственников испуг, близкий к панике. По требованию властей графств Кармартеншир и Пемброкшир, где нападения на заставы происходили особенно часто, правительство направило туда войска. В воскресенье, 7 июля 1839 г., отряд солдат промаршировал по улицам г. Нарберт для устрашения недовольных⁷. Но подобная демонстрация не произвела ожидаемого эффекта. Спустя 10 дней большая группа людей вновь собралась недалеко от Нарберта — на этот раз среди беда дня — и напала на заставу, которая один раз уже была разрушена, но восстановлена. Местные констебли, сидевшие как обычно в сторожке, в панике бежали прочь, и застава была второй раз до основания разрушена. Когда известие об этом дошло до города и солдаты явились на место, в окрестности не было уже ни души.

23 июля в г. Сен-Клир (Кармартеншир) собралось правление треста, которому принадлежала эта и многие другие заставы. На заседание явились видные граждане города, судья и депутат парламента от графства Пемброкшир. Собрание приняло решение не восстанавливать разрушенные заставы. Вскоре нападения на заставы пре-

⁶ «The Times», 30. VI. 1843.

⁷ D. Williams. Op. cit., p. 189.

...так же внезапно, как и начались. Движение как будто достигло своей непосредственной цели и утерало стимул⁸.

Но спокойствие продолжалось лишь немногим более трех лет. С новой силой движение возобновилось весной 1843 г. За эти три с лишним года политическая и социальная атмосфера в стране продолжала накаляться. Возобновление борьбы против застав зимой 1842/43 г. совпало с подъемом чартизма, который принял еще более грозные очертания и приобрел подлинно массовый характер⁹. Первым сигналом явилось нападение 18 ноября 1842 г. сразу на две заставы в окрестностях того же г. Сен-Клир. Власти объявили крупную награду в 50 ф. ст. тому, кто сообщит имена участников нападения. Вместо этого 24 ноября было разрушено сразу несколько соседних застав, но донощиков не нашлось. После того как разрушенные заставы были восстановлены, 12 декабря они снова были сровнены с землей. В прокламациях, разосланных в последующие дни, «Ребекка» предупреждала, что не допустит взимания пошлин¹⁰.

На протяжении полутора месяцев все было тихо. Но нападения возобновились, начиная с 1 февраля 1843 г., а с мая этого года кампания против застав стала нарастать изо дня в день с огромной силой. По-видимому, массовый характер, который принимали нападения, и побудил редакцию газеты «The Times» в это время направить в Южный Уэльс своего специального корреспондента. Едва прибыв на место, Фостер сообщал из г. Кармартен: «Каждый день приносит все новые известия о разрушениях застав». Спустя две недели он писал, что в графстве Кармартеншир между главным городом этого графства, носящим то же название, и г. Лампигер — на расстоянии 40 км — все заставы до одной уничтожены¹¹. К осени в этом графстве из 100—150 застав функционировало уже не более 80¹².

«Движение Ребекки» в 1843 г. своими масштабами заметно отличалось от событий предыдущего этапа. В 1839 г. район нападений на заставы был ограничен рамками двух графств — Кармартеншира и Пемброкшира. Иначе обстояло дело в 1843 г. Правда, в начале, т. е. зимой 1842/43 г., нападения происходили только на пограничной территории между этими графствами, в основном между городами Нарберт и Сен-Клир. Однако уже с весны «Ребекка» значительно расширила радиус своих операций, распространив их к северу на графство Кардиган, к востоку — на Раднор и Гламорган. Война против застав развернулась одновременно в различных пунктах, далеко отстоящих друг от друга.

Фостер отмечал и другую новую черту нападений в этот период: «Разрушители застав продолжают свои ночные нападения с неослабевающей энергией. В то же время они становятся все смелее: теперь действуют не только в удаленных районах и глубокой ночью, но осмеливаются появляться в непосредственной близости от городов среди бела дня и буквально под носом у войск и полиции»¹³. В середине июня они отважились на неслыханный по смелости шаг: окружив в одном месте группу констеблей и отставных солдат, присланных для обороны заставы, отряд «Ребекки» (численностью в 400 человек) разоружил их и заставил самих сломать ворота заставы. Описав этот эпизод, Фостер назвал это «полной и окончательной победой мятежников над законом»¹⁴.

В движении отчетливо обнаружилась его высокая организованность. Фостер писал об «искусстве и единодушии, с какими нападения на заставы планируются и осуществляются, усматривая в этом доказательство единого руководства движением»¹⁵. «Нападения на заставы становятся все более систематическими и организованными», — отмечал другой современник, который видел в этом свидетельство наличия у мятежников продуманного общего плана действий¹⁶.

⁸ Ibidem.

⁹ M. Howell. Op. cit., p. 135—150; Н. А. Ерофеев. Чартистское движение. М., 1961, стр. 75—80.

¹⁰ D. Williams. Op. cit., p. 190—192.

¹¹ «The Times», 18. VI. 4. VII. 1843.

¹² «Annual Register for 1843». London 1844, p. 259.

¹³ «The Times», 22. VII. 1843.

¹⁴ «The Times», 12. VI. 1843.

¹⁵ «The Times», 22. VII. 1843.

¹⁶ «Annual Register for 1843», p. 258.

Один из очевидцев, наблюдавший операции «Ребекки», в пространном донесении министру внутренних дел в июне 1843 г. следующим образом описывал действия отряда разрушителей. Впереди, во главе нападавших, двигался небольшой отряд, человек в 20, поголовно вооруженных ружьями. За ними шла основная масса участников: они несли топоры, молоты и пр. Среди них лишь немногие были вооружены. Шествие замыкал небольшой арьергард, также хорошо вооруженный огнестрельным оружием. Основной отряд производил наибольший шум, но по звуку выстрелов было очевидно, что они стреляли только холостыми зарядами. Что касается авангарда и арьергарда, то они сохраняли полную тишину и не стреляли: из этого он заключил, что их оружие заряжено не холостыми патронами. По-видимому, человек, сумевший построить своих людей по всем правилам военной тактики, имеет основательные познания в военном деле¹⁷.

В результате этих действий к осени 1843 г. система дорожных застав в Южном Уэльсе оказалась фактически дезорганизованной. Власти испытывали замешательство и растерянность. Восставшие были близки к осуществлению своих непосредственных целей — ликвидации застав.

Многие наблюдатели не могли понять причины развернувшегося массового движения. Выражая мнение современников, автор статьи в ежегоднике удивлялся, каким образом такая, по его мнению, «совершенно ничтожная» причина могла породить столь мощные последствия: ведь сумма дорожных пошлин была в сущности небольшой — не более 6 пенсов с повозки (по тогдашнему курсу около 25 коп.)¹⁸. В действительности же поборы на дорогах совсем не были такими уж незначительными и являлись довольно тяжелым бременем для местного населения, удорожая перевозку всех предметов и передвижение по территории. Участники дорожных трестов — местные богачи и лендлорды — в своем стремлении увеличить доходы прибегали к самым различным способам. Прежде всего они постоянно увеличивали количество дорожных застав, перегородив не только крупные дороги, но и проселки. В результате, например, вокруг г. Кармартен в радиусе от 1 до 3 миль стояло в это время 13 застав¹⁹. На одной из дорог на протяжении 3 миль стояло 3 заставы, а на другой — 2 заставы отстояли друг от друга всего на 300 ярдов (примерно 270 м). Фостер насчитал не менее 11 застав на расстоянии 19 миль от г. Кармартен до границы графства Пемброкшир²⁰.

Одновременно дорожные тресты всеми способами повышали сумму взимаемого налога. Несмотря на то что актом парламента было установлено, что пошлина на дорогах не должна превышать 4 пенса с повозки, в 40-х годах в Южном Уэльсе она, как правило, составляла 6 пенсов²¹. Для повышения пошлины находили и другие лазейки. Так, первоначально плата взималась за каждую повозку один раз в сутки, независимо от количества поездок. Но начиная с 1833 г. повсюду стали переходить на систему оплаты за каждые три поездки²².

В результате плата за проезд оказывалась довольно дорогой. Фостер в июле 1843 г. подсчитал, что любая поездка обходилась фермеру примерно в 2—3 пенса за каждую милю²³. Если учесть, что фермерам приходилось нередко совершать довольно далекие путешествия, станет ясно, как тяжелы для них стали дорожные пошлины.

Особенно обременительными пошлины оказывались при перевозке одного из наиболее дешевых и важных грузов — извести. В этой гористой стране территория, пригодная для пахотного хозяйства, довольно ограничена, преобладали там кислые почвы, которые требовали обильного известкования. В местах выхода известняковой породы производился ее обжиг, и фермеры приезжали за ней, подчас издалека. Сама по себе известь стоила недорого — от 2,5 до 3 шилл. за повозку. Но, поскольку ее требовалось много и ездить приходилось не один раз, дорожные сборы увеличивали ее сто-

¹⁷ D. Williams. Op. cit., p. 214—215.

¹⁸ «Annual Register for 1843», p. 258.

¹⁹ «The Times», 3. VIII. 1843.

²⁰ «The Times», 19. VIII, 26. VI. 1843.

²¹ «The Times», 27. VII. 1843.

²² D. Williams. Op. cit., p. 174.

²³ «The Times», 25. VII. 1843.

имость в 2—3 раза ²⁴. Поэтому требование отмены пошлины и борьба с ней оказались главным лозунгом фермерства.

Однако следует подчеркнуть, что отмена дорожной пошлины была не единственным требованием участников «движения Ребекки». Недовольство сельского населения Южного Уэльса имело много причин и поводов. Его социальная структура отличалась некоторыми особенностями. Хотя (как и в Англии) фермеры Южного Уэльса хозяйствовали не на собственной, а на арендованной земле, однако масштабы фермерского хозяйства здесь сильно отличались. В Англии фермеры в своем большинстве вели довольно крупное хозяйство, арендуя обычно от 1 тыс. до 3 тыс. акров (акр — прибл. 0,4 га). Южный Уэльс, напротив, представлял собой страну мелкого фермерства: по данным газеты «The Times», средние размеры ферм в Южном Уэльсе не превышали 180 акров, однако большинство арендовало меньше 100 акров ²⁵.

На протяжении десятилетий сумма ренты неуклонно возрастала. Подобная тенденция была заметна и в Англии, но в Южном Уэльсе этот рост происходил быстрее, чему способствовало быстрое увеличение населения: за последнее столетие население трех графств Южного Уэльса — Кармартеншира, Пемброкшира и Кардиганшира — возросло примерно в два раза ²⁶. Рост населения вел к дроблению аренды и усилению конкуренции между арендаторами, что облегчало собственникам возможность повышения арендной платы. Положение обострялось недостаточной мобильностью населения: валлийцы, с их особым языком и обычаями, весьма неохотно покидали родные края.

В результате арендная плата в Южном Уэльсе была значительно более высокой, чем в Англии. Фостер подсчитал, что в среднем она составляла здесь от 35 до 40 шилл. за акр, в то время как в Англии она не превышала 18 шилл. ²⁷ Исследователь истории Южного Уэльса полагает, что за три десятилетия, предшествовавшие «движению Ребекки», арендная плата здесь возросла в среднем на 35% ²⁸. Высокая арендная плата особенно сильно отягощала мелкого фермера, и без того с трудом сводившего концы с концами. В конце 30-х годов урожай в Южном Уэльсе несколько лет подряд был очень низким: по официальным данным в графстве Пемброкшир из каждых 10 фермерских хозяйств в эти годы только одно обходилось без покупного зерна ²⁹.

В 1842 г. урожай оказался на редкость обильным. Однако это не принесло фермерам облегчения. Наоборот, из-за резкого падения цен положение фермеров вновь ухудшилось. Цены на хлеб упали (по сравнению с обычными) на 25%, а на овес — даже на 30%. Двухгодовалую телку, стоявшую два года назад 8 ф. ст., теперь можно было купить за 50 шилл., т. е. немногим более чем за два фунта ³⁰. В результате падения цен на сельскохозяйственные продукты бремя аренды становилось для фермеров невыносимым. То же самое следует сказать и о церковной десятине в пользу официальной англиканской церкви. В результате коммутации десятины, проведенной в предыдущие десятилетия, общая ее сумма была зафиксирована в качестве постоянной, а тяжесть ее для сельского населения неуклонно возрастала: один фермер жаловался Фостеру, что он платит в год десятину в 45 фунтов, хотя еще несколько лет назад она отнимала у него 34 фунта в год ³¹.

Необходимо также иметь в виду, что значительное большинство населения Южного Уэльса принадлежало к диссидентам, т. е. различным вероисповеданиям, зачастую резко враждебным к официальной церкви. Перепись церковной принадлежности, проведенная в 1851 г. в трех графствах Южного Уэльса — Пемброкшире, Кармартеншире и Кардиганшире — показала, что из 10 жителей в лоне официальной англиканской церкви состояло всего два человека ³². Крестьяне с ненавистью вносили этот налог в пользу чужой и презираемой ими церкви. В прокламациях «Ребекки»

²⁴ «The Times», 27. VII. 1843.

²⁵ Ibidem.

²⁶ D. Williams. Op. cit., p. 91.

²⁷ «The Times», 27. VIII. 1843.

²⁸ D. Williams. Op. cit., p. 105.

²⁹ D. Williams. Op. cit., p. 105.

³⁰ «The Times», 28. VI. 1843.

³¹ «The Times», 3. VIII. 1843.

³² G. R u d e. Crowd in History. London, 1964, p. 156.

англиканские священники неизменно именовались «прислужниками национальной блудницы»³³.

Заметное место среди причин «движения Ребекки» занимал протест против законодательства о бедных в той форме, которую оно приняло в 1834 г. Этот закон навлек на себя недовольство не только в Уэльсе, но и в Англии. Борьба против него составляла важный момент в лозунгах чартистского движения³⁴. Основная особенность закона заключалась в том, что отныне помощь нуждавшимся оказывалась только в стенах «рабочих домов» — своеобразных казарм, где обитатели были строго изолированы от близких, а мужчины, женщины и дети одной семьи размещались обособленно. Для того чтобы труд бедняков не конкурировал на рынке, их заставляли выполнять тяжелую и бессмысленную работу. Они получали грубую и скудную пищу.

В одной из своих корреспонденций, отвечая на вопрос, что в этом законе вызывает такое всеобщее недовольство, Фостер признавал, что жалобы на него обоснованны: в частности, пища заключенных в тюрьме гораздо питательнее и обильнее, чем в рабочих домах. Что касается фермеров, то они протестовали против того, что средства на содержание бедняков, собираемые в их приходах, уходили на содержание рабочих домов в городах, а приходы были вынуждены по-прежнему помогать своим беднякам, выдавая им, как и прежде, денежные пособия, для чего собирали дополнительные средства. В результате расходы по данной статье оказывались значительными. Так, фермеры Кармартеншира, которые ранее не знали расхода по этой статье, теперь платили до 30 ф. ст. в год³⁵.

Всеобщее недовольство объясняют и события, которые произошли в г. Кармартен 19 июня 1843 г. Накануне этого дня невидимая «Ребекка» отдала приказ всем жителям Кармартеншира собраться на следующий день у таверны «Плуг и борова», недалеко от города. В назначенное время собралось около 4 тыс. человек, из них 500 конных. Многие были одеты в женское платье, с лицами, испачканными сажей. Около полудня огромная толпа с плакатами, на которых было начертано слово «Справедливость», пройдя по улицам города, подошла к рабочему дому. Тяжелые ворота были на запоре. Несколько человек, перебравшись через забор, открыли ворота, и толпа хлынула на территорию рабочего дома. Были взломаны двери и внутренние перегородки, кровати выброшены в окна. Дальнейшему разрушению помешало неожиданное появление кавалерийской части. Около 100 участников налета было арестовано³⁶. Местные власти опасались нападений и на другие рабочие дома. 1 июля они сообщили в Лондон, что, по их сведениям, готовилось нападение на рабочий дом в г. Нарберт; оно было предотвращено только своевременно принятыми мерами. Чтобы обезопасить такие дома от нападений, власти были вынуждены разместить в них войска³⁷.

Таким образом, в основе всех волнений в Южном Уэльсе лежало тяжелое экономическое положение широких народных масс валлийской деревни.

Фостер в конце июня высказывал убеждение, что выступление против застав было лишь поводом для взрыва накопившегося недовольства. «Если бы даже завтра исчезли все заставы в этой области, систематический протест против пошлин направился бы в иное русло и в центре оппозиции оказались бы такие борьбы, как налог на бедных или десятина, арендная плата или налоги. Корни следует искать не в какой-либо абстрактной оппозиции, а в нищете и нараставших бедствиях сельского населения». «В основе всего, — писал он через месяц, — лежит общее тяжелое бедственное положение фермеров». Фермерам становилось все труднее сводить концы с концами. «С каждым годом они погружаются все глубже и глубже в долги»³⁸.

Крестьянское хозяйство, особенно мелкое, давало все меньше дохода и арендатор с трудом мог прокормить семью. Важным источником дополнительных доходов мелкого крестьянства было домашнее ремесло: в Южном Уэльсе издавна были дозволено широко распространены домашнее прядение и ткачество, обработка шерсти, сапож-

³³ D. Williams. Op. cit., p. 234.

³⁴ См. Р. Гаммедж. История чартизма. СПб., 1907, стр. 65—77.

³⁵ «The Times», 27. VI, 25. VII. 1843.

³⁶ «Annual Register for 1843», p. 260—261; J. Jones. Modern Welsh History. London, 1834, p. 239.

³⁷ D. Williams. Op. cit., p. 224, 284.

³⁸ «The Times», 30. VI, 27. VII, 3. VIII. 1843.

ное дело, производство шляп, выделка кож³⁹. Однако фабричное производство, делавшее успехи именно в эти годы, своими дешевыми товарами наносило один удар за другим по домашнему промыслу. Численность ремесленников под влиянием этой конкуренции сокращалась. Так, число ручных ткачей в графстве Пемброкшир за период с 1831 по 1841 г., по официальным данным, сократилось с 130 до 73 человек⁴⁰. Вторжение капиталистических отношений в экономику и обострение социальных отношений тяжело отражалось на положении ремесленников и мелких арендаторов.

Таков был общий социально-экономический фон, на котором развергивались события в Южном Уэльсе. «Движение Ребекки» объединило самые широкие слои населения Южного Уэльса. Хотя главной ударной силой его были батраки и мелкие фермеры, однако им сочувствовало все трудящееся население. Даже крупные и зажиточные фермеры, не участвуя лично в нападениях на заставы, одобряли и поддерживали эти нападения. Это объясняет тот факт, что властям, несмотря на обещания больших денежных наград, почти до самого конца так и не удалось найти предателей, готовых выдать участников движения. Удивительная согласованность и организованность выступлений, их хорошо продуманный общий план наводили на мысль, что во главе движения стоит опытный руководитель, но властям так и не удалось напасть на его след.

Положение, сложившееся летом 1843 г., не могло не встревожить имущие круги и власти Южного Уэльса. Оно было тем более серьезным, что в этот период переживала большие трудности и промышленность. К лету эти трудности приобрели характер кризиса⁴¹.

Корреспондент «The Times» сообщал в середине июля из Кардифа — крупного центра угольной и железодельательной промышленности, что, несмотря на кризис и отсутствие спроса, заводы и шахты работают, хотя и неполную неделю; хозяева не могут полностью прекратить производство только из опасения вызвать этим серьезные беспорядки⁴². Положение еще более обострилось, когда стало известно о банкротстве крупного медеплавильного завода Сирроу, на котором было занято более 3 тыс. рабочих. Волнения удалось предотвратить лишь после того, как было объявлено, что работа на заводе будет продолжаться⁴³. Но в начале августа владельцы девяти других медеплавильных заводов, ссылаясь на большие трудности, снизили расценки на 10—25%. В ответ 4 тыс. рабочих объявили стачку. Они требовали восстановления прежних ставок, отмены системы оплаты через заводские лавки, где за товары и продукты с них брали втридорога и, кроме того, обсчитывали и обвешивали. Эта система давно уже вызывала протесты рабочих⁴⁴. Корреспондент «The Times» в середине июля сообщал, что в районе Мертира несколько раз в неделю происходят тайные политические собрания рабочих и собирают оружие. «Весь Гламорганшир и Кармартеншир, — писал он, — находятся в возбужденном и лихорадочном состоянии»⁴⁵.

Совпадение во времени между аграрными волнениями и подъемом рабочего движения в Южном Уэльсе не могло не встревожить власти. «Сообщения из Уэльса, — отмечалось в передовой газете «The Times», — остаются по-прежнему тревожными. Там царит двойное восстание: одно из них направлено против жизни и собственности и с каждым днем принимает все более страшный характер; другое пока представляет собой всего лишь стачку медеплавильщиков по поводу заработной платы. Второе само по себе пока не вызывает особого беспокойства, но в сочетании с первым, если затянется, может оказаться опасным»⁴⁶. Газета выразила тревожные чувства, царившие среди имущих классов.

Настроения эти нарастали на протяжении всего 1843 г. По требованию местных властей министерство внутренних дел направило в Южный Уэльс значительные военные и полицейские силы. В сентябре здесь были расквартированы — в дополнение

³⁹ N. E d w a r d s. Industrial Revolution in South Wales. London, 1924.

⁴⁰ G. R u d e. Op. cit., p. 156.

⁴¹ «The Times», 19. VII. 1843.

⁴² «The Times», 13. VIII. 1843.

⁴³ «Annual Register for 1843», p. 72.

⁴⁴ «The Times», 9. VIII. 1843.

⁴⁵ «The Times», 13. VII. 1843.

⁴⁶ «The Times», 11. VIII. 1843.

к обычным полицейским силам — 1800 солдат и артиллерийская полубригада, да еще около сотни полицейских, специально присланных из Лондона. Министр внутренних дел Грэхэм писал, что этих сил «достаточно для завоевания страны»⁴⁷.

Однако присутствие войск и лондонских полицейских не остановило разрушения застав. Отряды «Ребекки» были хорошо организованы и наладили отличную разведку: они никогда не вступали в открытое столкновение с войсками или полицией и появлялись только в тех случаях, когда им было точно известно, что солдаты находятся далеко. Сделав свое дело, они быстро исчезали и, когда солдаты прибывали на место действия, вокруг уже не было ни души. «После каждого налета, — писал современник этих событий, — не оставалось ровно никаких следов, которые могли бы дать ключ к разгадке — откуда явились люди и куда они девались»⁴⁸.

В октябре военные власти ввели в действие новую тактику борьбы: они рассредоточили войска и полицию на мелкие отряды по наиболее уязвимым участкам. Постоянные ночные патрули все время «прочесывали» опасные места⁴⁹. Считая и эти меры недостаточными, власти ряда графств Южного Уэльса осенью обратились в Лондон с требованием объявить в Южном Уэльсе военное положение⁵⁰.

Фостер в конце июля так характеризовал положение. Этот край, в прошлом столь мирный и спокойный, где раньше появление в деревне одного солдата было почти сенсацией, теперь кишит драгунами. Солдаты здесь повсюду — по городам, деревням и на всех дорогах. Они сбились с ног и измучены бесконечными ночными тревогами и походами. Каков же результат всех этих усилий? Самый ничтожный: нападения на заставы продолжают. Стоит солдатам повернуться спиной — как еще одна застава лежит в развалинах. Обращаясь к причинам этих неудач, Фостер продолжал: «По-видимому, дело в том, что все жители единодушны, а против сплоченных людей бороться трудно»⁵¹. Единодушные населения побудило власти перенести в Лондон процесс против участников нападения на рабочий дом в Кармартене: они опасались волнений, а также того, что присяжные из местного населения не решатся вынести угодный властям приговор⁵².

Положение в стране становилось тревожным. Все более настоятельной стала необходимость принятия безотлагательных мер. Выражая мнение влиятельных кругов эксплуататорских классов, газета «The Times» усматривала выход из создавшегося положения в уступках фермерам. К этому побуждала и растущая опасность союза между «движением Ребекки» и чартизмом, т. е. между фермерами и фабричными рабочими. Газета неоднократно напоминала о необходимости уступок. Еще в конце июня Фостер в корреспонденции из Кармартена, приводя мнение местной газеты о том, что причиной событий в Южном Уэльсе является «широко распространенный дух политического протеста», в категорической форме оспаривал это утверждение. Он высказывал убеждение в том, что на самом деле движение против застав «не имеет ничего общего с политикой, оппозицией или кознями чартистов» и в основе его «лежат страдания, растущие страдания и нужда»⁵³.

Возвращаясь к этому вопросу, Фостер в начале августа писал: «Замечательной и утешительной чертой движения в Южном Уэльсе до сих пор являлось полное отсутствие в нем каких-либо политических моментов». Он выражал надежду, что и далее «бедняки Уэльса» останутся независимыми и далекими от «радикальных движений». Несмотря на все проказы «мисс Ребекки», писал он, мы предпочитаем ее чартистам. Но для этого совершенно необходимо пойти ей на какие-то уступки: главная ошибка до сих пор, по его мнению, состояла как раз в том, что, не располагая реальными возможностями подавить движение силой, эти уступки не были своевременно сделаны. «Если мы на это не пойдем, мы толкнем людей к чартизму... Ребекка сменит свой чепчик на фригийский колпак»⁵⁴.

⁴⁷ D. Williams. Op. cit., p. 266; F. C. Mather. Op. cit., p. 106.

⁴⁸ «Annual Register for 1843», p. 259.

⁴⁹ F. C. Mather, Op. cit., p. 231.

⁵⁰ «The Times», 23. VI. 1843; F. C. Mather. Op. cit., p. 58.

⁵¹ «The Times», 27. VII. 1843.

⁵² «The Times», 22. VII. 1843.

⁵³ «The Times», 27. 30. VI. 1843.

⁵⁴ «The Times», 4. VIII. 1843.

По-видимому, эту мысль разделяли уже и влиятельные лица в Лондоне. В конце июля в Южный Уэльс была направлена специальная «исследовательская» комиссия, которой было поручено министерством внутренних дел выявить причины происшедшего⁵⁵. На протяжении августа комиссия провела несколько совещаний, выслушав представителей дорожных трестов и наиболее крупных лендлордов⁵⁶. Хотя комиссия была секретной, сведения о ее деятельности получали широкую огласку. В ее адрес поступили многочисленные петиции, и она была вынуждена принять несколько фермерских делегаций, изложивших свои жалобы. В петициях и заявлениях, наряду с нареканиями на дорожные пошлины, большое место занимали жалобы на высокую аренду, на действие закона о бедных, десятину⁵⁷.

Одобрив действия правительства, газета «The Times» высказывала сожаление, что комиссия не была создана ранее: легче предотвратить недовольство, чем его погасить, когда оно уже нашло выход. Но теперь комиссия должна изыскать меры к успокоению умов в Южном Уэльсе. Следует уменьшить число дорожных застав, а взимание аренды и применение Закона о бедных проводить более мягко. Политика должна быть, по выражению газеты, «одновременно осторожной и решительной»⁵⁸.

Министр внутренних дел Грэхэм, инструктируя вице-губернаторов в циркулярном письме от 15 сентября, призывал их «восстановить мир, рассмотрев все жалобы и нужды», решительно пресекая всякие «незаконные действия»⁵⁹. В октябре эта политика «кнута и пряника» стала принимать конкретные очертания. 2 октября в Южном Уэльсе была издана королевская прокламация о полном запрете всяких шумных сходок людей, вооруженных ружьями или другим оружием⁶⁰. В том же месяце в Южном Уэльсе начала работу официальная комиссия, направленная для изучения на месте причин происшедших событий и для выработки необходимых мер. Она обратилась к населению с предложением направлять свои соображения, жалобы и петиции. На протяжении двух месяцев работы комиссия посетила ряд городов и выслушала много свидетельских показаний. Ее заключительный доклад был опубликован в марте 1844 г.⁶¹

К этому времени необходимость каких-то уступок, пусть самых скромных, была осознана и лендлордами Южного Уэльса. Решающей причиной такого поворота были вовсе не аргументы «The Times» или призывы правительства, а скорее то опасное направление, в каком развивались события.

Первым признаком наметившейся уступчивости лендлордов было решение властей графства Гламорганшир 10 августа «консолидировать» все дорожные тресты в пределах графства и уничтожить ряд застав, к стати уже снесенных «Ребеккой»⁶². Действия «мятежников», отмечала «The Times», «по-видимому начинают оказывать свое естественное, хотя и запоздалое воздействие на умы валлийских магистратов»⁶³.

Фостер 7 октября писал, что «примирительный дух», проявленный помещиками Южного Уэльса «очевидно приведет к самым благотворным результатам». Спустя пять дней он еще более уверенно утверждал: «Общее и преобладающее мнение здесь состоит в том, что широкие общественные настроения в Южном Уэльсе постепенно приходят в норму»⁶⁴.

Ослабление, а затем и фактическое прекращение нападений на заставы подкрепляло это утверждение Фостера. Последним крупным актом «Ребекки» было нападение 30 сентября на заставу возле г. Лэнелли (графство Кармартеншир). Разрушив строения, участники налета отнесли тяжелые ворота заставы поодаль и сбросили их в заброшенную угольную шахту. В сентябре нападения происходили все реже⁶⁵.

⁵⁵ «The Times», 3. VIII. 1843.

⁵⁶ D. Williams. Op. cit., p. 228.

⁵⁷ Ibid., p. 244.

⁵⁸ «The Times», 11. VIII. 1843.

⁵⁹ D. Williams. Op. cit., p. 276.

⁶⁰ J. Jones. Op. cit., p. 241.

⁶¹ «Report of the Commission of Inquiry for South Wales». London, 1844.

⁶² «Консолидация» (т. е. укрупнение дорожных трестов) позволяла ликвидировать некоторые заставы, оставив лишь самые важные, и за счет снижения расходов на их содержание уменьшить пошлину.

⁶³ «The Times», 15. VIII. 1843.

⁶⁴ «The Times», 9, 14 X. 1843.

⁶⁵ «The Times», 5, 9 X. 1843.

Начиная с этого момента можно говорить о начавшемся спаде движения, которое вскоре и вовсе пришло к концу.

Каковы причины этого спада? В буржуазной литературе господствует мнение, что движение прекратилось после удовлетворения требований населения. Вильямс последнюю главу своей книги озаглавил «Торжествующая Ребекка». Однако это объяснение вызывает серьезные и обоснованные сомнения.

Конечно, известные уступки в деле взимания дорожных пошлин были действительно сделаны. Вслед за Гламорганширом консолидация дорожных трестов была проведена и в других графствах. Официальная комиссия в своем докладе признала, что в этом вопросе были допущены ошибки и что жалобы на дорожные пошлины обоснованны. В качестве практической меры она предложила консолидировать все дорожные тресты в Южном Уэльсе с последующим выкупом их властями и одновременно сократить число застав. В августе 1844 г. соответствующий закон был проведен через парламент.

Однако бросается в глаза следующее: нападения на заставы, как уже сказано, делались все реже с начала октября, а реальные результаты консолидации дорожных трестов, в виде снижения пошлин, сказались значительно позднее. В октябре они еще не могли дать фермерам реального облегчения. Получается, что «Ребекка» прекратила свои операции на основании одних только обещаний, задолго до практических уступок. Это тем более странно, что дорожные заставы были вовсе не единственным требованием фермеров Южного Уэльса. Между тем в других вопросах — таких, как арендная плата, десятина и другие — власти не только ни в чем не уступили фермерам, но даже не дали им каких-либо обещаний на будущее. Правда, официальная комиссия в своем докладе признала обоснованными жалобы на высокую аренду и десятину и рекомендовала их снизить, но ограничилась чисто словесными рекомендациями, не имевшими практического значения.

Из сказанного очевидно, что до настоящей победы фермеров Южного Уэльса было еще очень далеко. Тем не менее одних лишь обещаний уступок со стороны дорожных трестов оказалось вполне достаточно для прекращения борьбы. Это обстоятельство, видимо, в свою очередь требует объяснения.

Может быть, упадок движения связан с усилением репрессий? Несколько процессов против участников нападений на заставы состоялись и ранее — в г. Суонси в начале августа три человека были приговорены к каторге⁶⁶. Но крупные процессы имели место позднее, начиная с октября⁶⁷. Самый крупный процесс происходит уже в самом конце декабря в г. Кармартен: из 41 подсудимого трое были приговорены к каторге, остальные — к разным срокам тюремного заключения⁶⁸. Сопоставление дат показывает, что спад движения начался ранее, чем эти судебные процессы: их психологический результат должен был проявиться в полной силе в те месяцы, когда нападения на заставы уже прекратились. Таким образом, ссылка на преследования также не может объяснить происшедшее.

Все сказанное заставляет искать причины спада и прекращения движения не во внешних явлениях, а прежде всего внутри самого движения, во внутренних сдвигах в рядах его участников. Для понимания этих процессов следует обратиться к анализу его классового состава.

Из кого состояли отряды разрушителей застав? Вильямс пишет, что «движение Ребекки... ни в коем смысле не было восстанием сельских рабочих, хотя они и участвовали в разрушениях. Мятежи были исключительно делом рук мелких фермеров»⁶⁹. В действительности, как уже говорилось, все слои сельского трудящегося населения в той или иной форме поддерживали «движение Ребекки», в том числе фермеры покрупнее и отчасти даже зажиточные. В то же время интересы различных слоев, принимавших участие в борьбе, существенным образом отличались. До поры до времени расхождения находились под спудом, общая ненависть к заставам отодвигала их на второй план. Однако по мере развития событий они неизбежно должны были обнаружиться.

⁶⁶ «The Times», 4. VIII. 1843.

⁶⁷ «Annual Register for 1843», p. 155.

⁶⁸ D. Williams. Op. cit., p. 257—258.

⁶⁹ Ibid., p. 74—75.

Фермеры, которые задавали тон, преследовали свои цели. Наряду с борьбой против застав они стремились в первую очередь к снижению арендной платы. Фостер присутствовал на одном тайном собрании участников движения, где обсуждался проект создания союза фермеров. Одной из основных целей союза была борьба с лендлордами, вымогавшими слишком высокую арендную плату⁷⁰. Фермеры, которые соглашались на уплату повышенной аренды, нередко получали угрожающие письма за подписью «Ребекки».

Рабочие сельских районов, принимавшие участие в борьбе против застав, — батраки, прислуга — не могли и не хотели ограничиваться программой фермеров: у них были свои интересы, не только не совпадавшие с интересами последних, но зачастую приходившие в противоречие с ними. Фостер уже во второй половине августа утверждал, что в рядах «движения Ребекки» намечается раскол: рабочие хотят снижения цен на продукты питания, в то время как фермеры заинтересованы в их максимальном повышении⁷¹.

Еще более решительные противоречия между фермерами и батраками существовали в вопросе о заработной плате. Вопрос этот должен был обостриться с приближением осени: по старому обычаю, сохранившемуся еще от средних веков, контракты между фермерами и наемными рабочими заключались на год и возобновлялись в ноябре, в «день всех святых». Полковник Лав, командовавший военными силами в Южном Уэльсе, сообщал в Лондон 23 сентября, что в связи с истечением срока контрактов в Южном Уэльсе повсюду начались собрания батраков и прислуги, где обсуждаются условия будущих контрактов и раздаются требования повышения заработной платы⁷². Это должно было усилить раскол в лагере «Ребекки».

С самого начала между фермерами и батраками не было полного единства и в вопросе о методах борьбы. Зажиточные фермеры, вероятно, с самого начала избегали прямого участия в нападениях на заставы. Но к осени выяснилось, что батраки в своих методах борьбы идут дальше того, на что были согласны мелкие фермеры. Еще в конце лета в Южном Уэльсе начались поджоги овинов: в этих актах собственники, как правило, не могли принимать участия. Поджоги неизбежно должны были усилить внутренний раскол среди сторонников «Ребекки». В начале октября тот же полковник Лав сообщал в министерство внутренних дел, что фермеры, по его словам, «напуганы тоном, каким начали говорить их рабочие и слуги», и готовы «положить конец действиям, которые они в свое время неразумно начали». В комиссии по расследованию один свидетель-фермер жаловался на поджоги и заявил, что рассматривает их сейчас, как «наибольшую опасность»⁷³.

Таким образом, осенью 1844 г. начался отход фермеров от борьбы. Это проявилось, в частности, в том, что с начала октября на массовых собраниях фермеры стали подписывать верноподданнические петиции королеве. Три тысячи фермеров, собравшихся 3 октября возле городка Ньюбери-Эмлин, приняли решение, в котором «осуждали ночные собрания и нападения»⁷⁴. Такое решение свидетельствовало о серьезных сдвигах в настроении фермеров.

Характерный эпизод произошел 1 октября. Когда 30 сентября отряд «Ребекки» совершил свое последнее крупное нападение, разрушив заставу возле Лэнелли и скинув в шахту тяжелые ворота, на следующее утро, 1 октября, большая группа фермеров (около 40 человек), явившись на место ночного происшествия, по собственной инициативе вытащила ворота из шахты и водрузила их на прежнее место⁷⁵. Это подтверждает изменение отношения фермеров к нападениям на заставы. Об этом же свидетельствовал и другой факт. До сих пор, несмотря на все попытки, властям не удавалось найти осведомителей, готовых дать показания против участников нападения. Декабрьский процесс показал, что теперь такие осведомители нашлись: именно это и позволило устроить большой процесс.

⁷⁰ «The Times», 7. VIII. 1843.

⁷¹ «The Times», 18. VIII. 1843.

⁷² D. Williams. *Op. cit.*, p. 243.

⁷³ *Ibid.*, p. 262.

⁷⁴ «The Times», 9. X. 1843.

⁷⁵ D. Williams. *Op. cit.*, p. 262.

Главную причину поражения «Ребекки» и прекращения борьбы следует искать именно в распаде единого фронта фермеров и рабочих. После этого движение неизбежно должно было прийти к концу. Небольших уступок фермерам со стороны властей и лендлордов оказалось достаточно, чтобы расколоть этот единый фронт и привести движение к упадку.

На руку властям сыграло и разобщение между сельским и городским пролетариатом Южного Уэльса. В то время как батраки и прислуги под руководством фермеров сражались против дорожных застав, в промышленных городах — Мертире, Суонси и других — рабочие активно боролись за народную хартию в интересах всех отрядов трудящихся.

Вопрос об отношениях между двумя потоками народных движений — между «Ребеккой» и чартизмом до сих пор исследован недостаточно. Некоторые факты указывают на то, что какие-то связи между ними существовали. Так, Ассоциация лондонских рабочих, созданная в 1836 г. и положившая начало чартистскому движению, вскоре после своего возникновения создала отделение в г. Кармартене. Представитель этого отделения валлийский адвокат Хью Вильямс участвовал в массовом собрании чартистов, которое состоялось в Лондоне 17 сентября 1838 г. На нем было решено созвать Народный конвент и начать сбор подписей под Народной хартией для представления в парламент. Выступая на этом собрании, Вильямс заверил слушателей, что радикалы (так нередко в это время именовали себя чартисты) Южного Уэльса «готовы отстаивать свои права в любое время и в любой форме, какую предложит лондонский центр» ⁷⁶. 9 января 1839 г. в Кармартене был созван митинг чартистов, собравший большое количество участников. На нем был избран делегат от Южного Уэльса на чартистский Национальный конвент — руководящий всеанглийский орган чартистского движения: этим делегатом был избран тот же Вильямс ⁷⁷.

Помимо Хью Вильямса в Южном Уэльсе активно действовали и другие участники чартистского движения, в том числе такие выдающиеся деятели чартизма, как Генри Винсент, Джон Фрост и др. Арест Винсента осенью 1839 г. вызвал огромную волну возмущения в Южном Уэльсе. Известно, что восстание 3 ноября этого года под руководством Фроста своей главной целью ставило освобождение Винсента из тюрьмы. Но оно не имело успеха: явившись в Ньюпорт, участники восстания натолкнулись на значительные военные силы, в стычке отряд чартистов был рассеян, многие участники, в том числе Фрост, арестованы и приговорены к каторге ⁷⁸.

Таким образом, чартистское движение имело серьезные позиции в Южном Уэльсе, совсем недалеко от тех мест, где развертывалось «движение Ребекки». Трагедия заключалась в том, что между этими движениями отсутствовал действенный контакт. Чартисты не сумели пробиться здесь в толщу сельского пролетариата. В свою очередь идейная отсталость сельских тружеников помешала им понять общность их интересов с чартистами. Эта разобщенность, облегчившая властям победу над «Ребеккой», свидетельствовала об архаичности мышления участников движения. В нем выступает рабочий, который еще не конституировался как класс. Такая обособленность отдельных отрядов народных движений имела место не только в Южном Уэльсе, но здесь она проявилась отчетливее и нагляднее, чем где-либо еще. Именно это придает всему происходившему особый интерес и значение.

⁷⁶ D. Williams, *Op. cit.*, p. 148.

⁷⁷ *Ibidem*.

⁷⁸ D. Williams, *John Frost, a Study in Chartism*. Cardiff, 1939.